

Э.Л. Дубман

КНЯЗЬ Г.О. ЗАСЕКИН - ПОЛКОВОДЕЦ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬ.

Совсем недавно ряд волжских городов праздновал свое 400-летие. В 1986 году - Самара, в 1989 году - Волгоград, в 1990 году - Саратов. Все эти города, без которых невозможно представить себе ни Волги, ни России, были построены под руководством одного человека - князя из рода Рюриковичей Григория Осифовича Засекина. Он же был и первым воеводой в новых городах - крепостях, много сил и умения положил для обустройства тамошней жизни, для бережения волжского торгового и посольского пути.

Автору данной статьи удалось собрать документальные материалы, по которым можно более или менее подробно проследить административную и военную деятельность этого незаурядного человека, выявить его родословную, хотя бы фрагментарно воссоздать облик военачальника и градостроителя, феодала средней руки, способного и предприимчивого деятеля XVI столетия, не приближенного ко двору, но верой и правдой служившего на благо отечеству.

Имя Григория Засекина постоянно мелькает в исторических сочинениях, посвященных временам Ивана Грозного и Бориса Годунова. Однако его упоминают лишь вскользь, мимоходом, в связи с теми или иными событиями. Только В.Корсаков, автор небольшой статьи о князе Г.О.Засекине в "Русском биографическом словаре", сделал попытку кратко рассмотреть послужной список воеводы¹. Но и эта работа к настоящему времени значительно устарела.

Григорий Осифович Засекин, по прозвищу Зубок, происходил из довольно известного в конце XV - первой половине XVI веков рода Ярославских князей Засекиных (младшей ветви). К середине XVI столетия линия младших Засекиных обеднела, сильно размножилась и измельчала. Трудно найти среди представителей этой некогда славной фамилии крупных государственных и военных деятелей. Однако своей родословной князья Засекины могли гордиться с полным на то

основанием. Их генеалогия восходила к самим Рюриковичам². В свое время предки Засекиных являлись суверенными государями Великого Ярославского княжества. Начало этой династии положил сын великого князя владимирского Константина и внук Всеволода Большое Гнездо Всеволод Константинович, при котором Ярославское княжество в 1218 году выделилось в удел. После пресечения мужской линии Константиновичей основателем практически новой династии стал еще один князь из дома Рюриковичей, по прямой линии наследования восходящей к самому Владимиру Мономаху, отпрыск смоленских князей Федор Ростиславович. В 1260 году он женился на внучке Всеволода Константиновича Марии Васильевне. С вокняжением Федора Смоленского, или как его еще называли Федора Черного (по другим данным Черного, то есть Красивого), Ярославль окончательно вышел из общей вотчины Константиновичей и остался за потомками князя - пришельца. Спустя два века, в 1463 году Федор Черный и двое его сыновей были канонизированы, но не за святость и благочестие, а прежде всего по политическим мотивам. Местная знать и духовенство канонизировали Федора с целью укрепить суверенитет княжества. Сам же князь, в соответствии с прозвищем, которое ему дал народ, оставил после себя действительно черную память. В Северо-Восточной Руси он был известен как человек, близкий к Орде, многие годы проживший в ставке великого хана, ханский зять (по второму браку). Население Ярославского княжества долго не хотело принимать его назад и вынуждено было покориться только после карательного похода татарских войск. Он являлся одним из зачинщиков и деятельных участников феодальных смут, потрясавших раздробленную Русь. Летописцы с полным основанием считали, что благодаря ему на Русь пришла страшная "Дюденева рать", "створившая пусту" 14 городов.

После смерти Федора продолжателем рода князей Ярославских стал его сын от второго брака Давыд. Таким образом, уже у самых истоков родословной ярославских князей в ней слились воедино две могущественные династии Восточной Европы - Рюриковичи и Чингизиды.

Постепенно единое древо князей Ярославских начало дробиться, а вместе с ним распадалось на уделы ранее единое Ярославское княжество. Появились ответвления князей Курбских, Охлябининых,

Щетининых, Пенковых и других. Прозвища свои они получали, как правило, от местностей, отходящих им в уделы. Большинство представителей этих родов отказалось от прав суверенных вотчинников и перешло на службу к московскому князю, стало служилыми князьями.

Где-то между 1463 и 1467 годами при князе Александре Федоровиче Брюхатом потеряло свою политическую независимость Ярославское княжество. Чуть раньше этого события на родословном древе появилась новая ветвь - князей Засекиных. Основателем этой линии стал Иван Федорович Ярославский по прозвищу Засека. Об Иване Федоровиче известно лишь, что он служил в Москве и погиб в битве на Арском поле под Казанью в 1455 году. Первый Засекин считался не владетельным, то есть относительно независимым, а служилым князем, получившим права на землю и крестьян из рук своего государя - великого князя московского Василия Темного. От Ивана Федоровича пошли четыре младшие ветви Засекиных :

- вторая - от его старшего сына - Ивана "Бородатого Дурака",
- третья - от второго сына Дмитрия Засеки-Солнце - Засекиных-Солнцевых,
- четвертая - от третьего сына - Ивана Засеки-Жирового - Засекиных-Жировых,
- пятая - младшая, от младшего сына Давыда.

Еще одна ветвь Засекиных - старшая - произошла от Петра Засеки, одного из князей Щетининых-Ярославских.

О происхождении прозвища "Засека" можно только догадываться. Скорее всего оно было связано либо со службой, либо с участием в строительстве засечной черты, укрепления.

Для нас прежде всего интересна история младшей ветви, от которой вел свое происхождение Григорий Осифович. На примере этой ветви отчетливо прослеживается измельчание древнего рода, переход большинства его представителей в низшие сословия господствующего слоя - дворян и детей боярских. Крайнее обеднение оказалось характерным не только для младших Засекиных. Тонкий наблюдатель русской жизни 20-30-х годов XVI столетия австрийский посланник в России Сигизмунд Герберштейн, лично знакомый с представителем второй ветви Засекиных - Иваном Ивановичем Сосуном, бывшим московским послом в "цесарство", так описал его состоя-

ние: "он был настолько беден, что взял взаймы, как мы знаем, на дорогу платье и колпак (направляясь во главе посольства - Э.Д.)"³.

Суммируя всю совокупность сведений о Засекиных, можно так охарактеризовать этот древний род. В XVI столетии никто из представителей пяти ветвей Засекиных не задержался в высших эшелонах власти, практически никто не был близок к государеву двору. Воеводы и головы в военных походах, строители городов, уездные и городовые воеводы, иногда даже посланники в европейские государства - все они находились среди средних слоев феодального сословия, верой и правдой защищая интересы отечества. Фамилия Засекиных то и дело мелькала в Разрядных книгах, боярских списках. Они постоянно участвовали в многочисленных войнах и походах XVI столетия. В годы опричнины, когда произошли крупные перестановки в рядах господствующих сословий России, лишь немногие Засекины попали в число опричников. Гораздо большее число представителей этого клана было сослано, репрессировано, но все же основная масса оказалась незатронутой бурными событиями второй половины века.

В наследство князю Григорию досталось крайне незначительное отцовское имение, да память о достоинствах, былых службах и привилегиях своего рода. Родился Григорий Осифович в середине XVI столетия в небогатом дворянском доме. Владения его отца находились на северо-запад от Москвы, в пограничной с новгородскими землями Бежецкой пятине, в погосте Никольском "Слезкино тож". Данные писцовых книг настолько красноречиво свидетельствуют об имущественном положении князя Осифа, что опустить их значило бы погрешить против исторической правды. "И всего за князем за Осифом старого его поместья и придачи деревень живущих две, да восемь деревень пусты, да пустошь, а дворов три, а людей пять человек, да 14 дворов пусты, пашни в поле по 11 коробья, да перелогом 46 коробей с полукоробьею, да лесом поросло три коробья а в дву потому ж, сена 95 копен, а обеж 13 с полуобжею, а сох пол-5"⁴. Прожить на доходы с трех дворов было невозможно.

Единственная возможность достичь хотя бы относительного благополучия открывалась Григорию Осифовичу на государевой службе. Благодаря тому, что молодой Засекин вынужден был избрать этот

путь и посвятил ему всю сознательную жизнь, перед нами открывается возможность год за годом проследить его "службы" и хоть как-то оценить личностные качества, достоинства и недостатки этого человека.

В Разрядном приказе, ведавшем военными и многими административными службами в стране, тщательно велись так называемые Разрядные книги, боярские списки и тому подобные записи, из года в год тщательно фиксировавшие перемещения по службе практически всех феодалов России, занимавших должность не ниже головы, командира небольшого военного отряда.

Впервые в Разрядных книгах и вообще в документах той эпохи Григорий Осифович упоминается в 1574/75 году⁵. В это время его определили "головой на вылазке" гарнизона русской крепости Корела в западном Приладожье, на границе со шведской Финляндией.

Но для того, чтобы стать головой дворянину, даже представителю древнего княжеского рода, необходимо было показать себя в военных действиях, набрать необходимый срок службы. По указу 1556 года на военные сборы дворяне и дети боярские должны были являться начиная с 15 лет. В этом возрасте на специальных смотрах определялась их годность к воинскому делу, устанавливался оклад, то есть жалованье. Чтобы из "новинков" стать рядовым дворянским воином, а затем головой, требовалось не только соответствующее происхождение (в дворянских отрядах головой мог стать только представитель княжеской фамилии), но и опыт, знания, личная храбрость и организаторские способности. Например, в 1552 году, проводя в условиях Казанского похода реформу русской армии, Иван Грозный приказал в каждом полку назначить постоянных голов из дворян "искусных ратному делу".

По всей видимости Григорий Осифович к 1574/75 году имел значительный опыт военной службы и удовлетворял этим требованиям. В разрядных записях князь упоминается под прозвищем "Зубок". Никто из его ближайших родственников не имел такой клички. Видимо, это прозвище было связано с каким-нибудь физическим недостатком - неправильным прикусом, малым ростом. Однако судя по всему князь был физически крепким человеком, способным к ратному делу, обладавшим природной сметкой и здравым смыслом. Об этом свидетельствует его продвижение по служебной лестнице.

Карьера Григория Осиповича замедлило то обстоятельство, что начиная с 1576 года земли вокруг Твери, в том числе и родовые земли князя, оказались в уделе незадачливого "временного царя" на русском престоле - служилого татарского царевича Симеона Бекбулатовича. Окончательно сметив эту подставную фигуру, Иван Грозный, совершенно уверенный в покорности и верности последнего, определил ему весьма значительный удел. Нахождение при дворе удельного князя никогда не способствовало успехам на государственной службе. Вакансии этой группы феодалов всегда предоставлялись в последнюю очередь. Сами же удельные князья в XVI веке обладали слишком незначительными возможностями для того, чтобы достойно вознаградить своих верных слуг.

Почти за двадцать лет известной нам по документальным источникам служебной карьеры князя Григория, он принимал участие в походах и сражениях едва ли не во всех пограничных районах страны: на северо-западе - в Приладожье, на западе - в Ливонии, на юге - на просторах Дикого поля, на востоке - в недавно покоренных землях Среднего Поволжья, на юго-востоке - в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Под влиянием трудностей, опасностей, лишений из этого человека постепенно выковался тип сурового и pragmatичного администратора и воина, полагавшегося прежде всего на собственный опыт и здравый смысл.

Русско-шведская война оказалась первой, в которой князь принял участие в качестве военачальника - головы, а затем и воеводы. Большую часть своей службы на северо-западе Григорий Осипович провел в крепости Кореле - с 1574/75 по 1578/79 год. Засекину в общем-то повезло. Боевые действия между русскими и шведами в это время велись вяло, противоборствующие стороны ограничивались отдельными стычками. Период неудач для русской армии в Приладожье наступил в начале 80-х годов, когда князя уже перевели на юг. Кроме Корелы во второй половине 70-х годов Засекин успел некоторое время послужить в Орешке ("на вылазке воеводы в походы ходить"). Но наиболее значимым, хотя и весьма кратковременным, в военной карьере князя оказалось его участие в двух ливонских походах.

Знаменитый летний поход 1577 года был вершиной русских успехов в Прибалтике, когда большинство городов Ливонии, этого эфе-

мерного государственного образования, оказалось завоеванным или сдалось на милость русского царя. Молодой Засекин считался в этом походе при дворе Симеона Бекбулатовича, "у копия". Вряд ли дворяне из свиты удельного князя всерьез принимали участие в военных столкновениях, тем более, что серьезных сражений практически не было. Все военные действия свелись к частным операциям по осаде отдельных городов и крепостей. В завоеванные ливонские города ставились русские гарнизоны, назначались воеводы и головы. Осенью 1577 года в один из таких городков - Трикатен (в транскрипции "Разрядных книг" - "Трекрат") был определен младшим вторым воеводой Григорий Засекин.

Второй поход в Ливонию, в котором также принял участие Г.О.Засекин, происходил в совершенно иной обстановке. Начиная с 1578 года резко изменилась ранее благоприятная для России ситуация на западном военном театре. Вместо слабого, готового рухнуть при первом решительном натиске, Ливонского государства перед Москвой появились такие грозные соперники как Польша и Швеция, война с которыми требовала максимального напряжения всех сил. Июльский поход 1579 года "за Двину" оказался частной операцией сравнительно небольшого отряда и, как только Иван Грозный узнал о движении польских войск под командованием самого Стефана Батория под Полоцк, русские воеводы были немедленно отзваны назад. С вестью о победах за Двиной "пригонял к государю от воевод вдругоряд с сеунчем князь Григорий Засекин", получивший вместе с другими участниками похода награду - "копейку золотую".

Служба на южных окраинах России, на границах Дикого поля, куда князя Григория перевели в 1580 году, оказалась для него совершенно иной, чем на привычном западе. Ранее можно было предвидеть, предугадать, когда появится противник, имелось время для подготовки, все делалось постепенно, медленно. На юге же конные орды крымских и ногайских татар появлялись внезапно, вовремя определить направление главного удара удавалось редко, набег совершался стремительно, тактика борьбы с легкой кавалерией кочевников была совершенно иной. Но Григорию Осифовичу вновь "повезло". После страшного поражения войск крымского хана при Моло-дях в 1572 году натиск на южные рубежи России на некоторое время ослабел, военная опасность уменьшилась.

Всего на южном пограничье Г.О. Засекин пробыл два года. Сначала, весной 1580 года его определили третьим воеводой в передовой полк на "берегу", размещавшийся в Калуге. В июле произошла реорганизация руководства войсками, и Засекина назначили вторым воеводой в сторожевой полк "на Коломне к князю Василию Михайловичу Лобанову Ростовскому". Все эти полки входили в состав основных русских сил на юге, стоявших в летний период на берегу реки Оки в городах-крепостях Серпухове, Коломне, Калуге и других. Они располагались несколько в глубине, в тылу по сравнению с отрядами в "поле" или "на польской украине", которые были рассеяны по небольшим передовым крепостям - Дедилову, Михайлову, Брянску, Путивлю. Осеню и зимой, когда опасность нападений кочевников уменьшалась, на юге в городах оставались только осадные воеводы с небольшими местными гарнизонами.

Весной 1581 года Г.О. Засекин получил первую по-настоящему самостоятельную должность главного воеводы в Михайлове, одном из таких окраинных городков. Крепость была небольшой, служилых людей в ней насчитывалось немного, в помощники к молодому воеводе поставили опытного голову Степана Беклемишева и, наконец, к счастью для Засекина никаких серьезных нападений кочевников в этот год не случилось. По всей видимости, на воеводство в Михайлове Григорий Осифович зарекомендовал себя с хорошей стороны. С этого времени ему поручают все более ответственные задания.

Следующий период жизни князя был связан со Средним Поволжьем, куда его направили в 1583 году на воеводство в пограничный Алатырь. Несмотря на то, что со временем присоединения края к России прошло более тридцати лет, сопротивление действиям русской администрации со стороны коренного населения продолжалось. В казанские земли Григорий Осифович попал в разгар бушевавшего там "черемисского" восстания. Центром возмущения явились места расселения луговой "черемисы" - марийцев. Бои правительственных войск с повстанцами приобрели самый ожесточенный характер, в край направлялись целые армии и далеко не всегда они добивались ощутимых результатов. Великий российский историк Н.М.Карамзин так описал эти события: "Бунт черемисский продолжался..., с остервенением удивительным", повстанцы, "озлобленные, вероятно, жес-

токостию царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою, хотели независимости или смерти"⁶. Едва определившись на воеводство, Засекин весной 1583 года получил указание занять место второго "сходного" воеводы в большой полк конной армии, направляемой для подавления восстания. Конная армия и "плавная" рать должны были собраться в "Троицын день" - 19 мая в Нижнем Новгороде и оттуда выступить на подавление восстания. Подробностей этого похода не сохранилось, известно лишь, что окончательно "замирить" непокорные территории не удалось. Восстание продолжалось с новой силой. В последующих военных экспедициях 1584 года князь участия не принимал, оставался в Алатыре. Но его временное бездействие отнюдь не означало, что Засекин плохо проявил себя в первом походе. Иначе бы его не назначили в 1585 году первым воеводой большого полка еще одной армии, направленной в земли луговых марийцев.

По воинскому уставу того времени большой полк являлся основным, главным и, соответственно, на его командира возлагались обязанности по руководству всей армии. Этот поход предпринимался для устройства и "бережения" городка-крепости Санчурска (Царевосанчурска). Восстание к этому времени уже выдохлось и строительство крепости в центре "черемисских" земель означало не что иное, как окончательное утверждение русской колониальной администрации в завоеванном крае.

Впечатления этих лет должны были надолго врезаться в память Григория Осифовича, как все новое, необычное, требующее предельного напряжения душевых и физических сил. Впервые его поставили во главе хотя и небольшой, состоящей из трех полков, но все же армии; впервые под его руководством строили новый городок. Со службами на юге и юго-востоке было связано наибольшее продвижение князя по служебной лестнице, становление его как военачальника и администратора. Засекин обживался в новых условиях, учился новой для себя науке - дипломатии отношений с покоренными народами Среднего Поволжья. Близилось время суровых испытаний для князя, когда он долгие годы воеводствовал в построенных им же городках, окруженных только кочевьями чуждых и, зачастую, враждебных ногайских орд.

Задание "строить" городок-крепость на устье реки Самары Засекин получил осенью 1585 - зимой 1586 годов. Об этом свидетельствует фрагмент грамоты, где специально посланным служилым людям Разрядного приказа указывалось осмотреть место будущего строительства, составить чертеж и смету, а затем известить князя Григория, чтобы он начинал в соответствии с полученными инструкциями подготовку к строительству городка⁷. По всей видимости Самара, а затем Царицын и Саратов, строились одинаково. Зимой в лесном районе между Нижним Новгородом и Казанью заготавливались строевой лес, его свозили санным путем на волжский берег и с началом половодья плоты и струги с работниками - строителями и гарнизоном будущей крепости спускались вниз по Волге к месту закладки городка. Руководитель строительства, в данном случае Г. О. Засекин, действуя в пределах сметы, имел право внести свои корректизы в предложенное ранее место строительства, изменить привязки основных сооружений, очертания крепости и т.д., то есть обладал весьма широкими полномочиями. Основные сооружения городка - детинец, стены острога, административные и часть жилых зданий, храм - строились очень быстро в течении полутора-двух месяцев. К середине лета - началу осени, как правило, такие городки уже стояли, расстраиваясь затем в течение длительного времени.⁸

Первому воеводе Самары пришлось столкнуться со многими сложными проблемами. При скучных людских и материальных ресурсах Засекин должен был обеспечивать безопасность купеческих и посольских караванов. Правители Большой Ногайской Орды выступили против сооружения Самарской крепости и угрожали разрушить её. Беспокойство доставляли яицкие казаки.

Тревожными выдались первые осень и зима в новопостроенной крепости. За самоуправство в самарскую тюрьму было посажено несколько яицких казаков во главе с известным атаманом, одним из героев "Сибирского взятия" Матюшой Мещеряком⁹. Тюремные "сидельцы" смогли договориться с частью местного гарнизона. Заговорщики ждали помощи от волжских и яицких казаков, намереваясь с их помощью сжечь новопостроенный городок. Заговор закончился неудачей. Матюшу Мещеряка с друзьями повесили, но тревоги и заботы на этом не закончились.

Только весной 1587 года население городка почувствовало, что оно не забыто. По Волге пошли первые караваны судов. Под крепость с юга из-под Астрахани прикочевали ногайские орды. Отряды кочевников отправились на царскую службу. Самарцы должны были встречать и провожать их, указывать броды. Под крепостью возник небольшой торг и тысячные табуны ногайских лошадей посылались на продажу к Москве. Обстановка вокруг нового городка стабилизировалась, его признали и кочевники, и казаки.

Последний раз имя Засекина в связи с Самарой упоминается в июне 1587 года. Где служил князь в последующие два года, неизвестно. Возможно, он остался самарским воеводой (в документальных источниках за эти два года сведения о крепости отсутствуют), может быть его отпустили поправить хозяйственные дела... Только весной 1589 гсда вновь появляется Григорий Засекин в Разрядных книгах. На этот раз ему поручили строительство города на Переволоке, узком перешейке между Волгой и Доном. Подготовка к сооружению Царицынской крепости велась также, как и в случае с Самарой.

Плотище и струги прибыли к Переволоке в мае 1589 года, а месяца через два над Волгой уже высились башни новопостроенной крепости¹⁰. В помощники или, как называли тогда, в "товарищи" к Григорию Засекину послали еще двух воевод: думного дворянина, бывшего опричного печатника Р.В. Алферьева и дворянина И.А. Нашокина. Алферьев, посчитавший для себя унизительным служить под началом князя, затеял местническое дело. Судя по всему спор должен был выиграть бывший печатник, но дело повернулось иначе. Засекину помогло то, что его родная сестра была замужем за практически всемогущим дьяком, государственным канцлером Андреем Щелкаловым¹¹.

В Царицыне князь Григорий воеводствовал недолго. В конце осени - начале зимы 1589 года его отзвали для участия в походе против шведов. Засекин получил назначение на должность головы в государев дворянский полк, что считалось весьма почетным для провинциального феодала. Григорий Осифович принял активное участие в штурме Ругодива (Нарвы) и Ивангорода, руководил одной из штурмовых колонн.

Шведский поход ненадолго прервал нижневолжскую эпопею князя. Правительство никак не хотело отпускать из волжских степей своего главного "специалиста" по казакам и кочевникам. Весной 1590 года Засекин вместе с Ф.Туровым построил еще одну крепость на Волге - Саратов. Вновь руководитель строительства, как и было заведено в то время, стал первым воеводой городка. Известий о деятельности Григория Осифовича в Царицыне и Саратове крайне мало. По всей вероятности, его занятия мало отличались от самарских служб князя. Он встречал и провожал посольские караваны, регулировал отношения между вольным казачеством и кочевниками, принимал на службу наиболее лояльных казачьих атаманов, организовывал преследование непослушных, боролся с разбоями на Волге¹².

Последний город, в котором воеводствовал Григорий Осифович, был Терки. Эта крепость являлась "столицей" небольшой, сложившейся после астраханского взятия, русской области на северном Кавказе рядом с каспийским побережьем. На ее территории находилось несколько городков-острожков и станиц терских или, как их еще называли, гребенских казаков. Этот укрепленный район возник как форпост Российского государства на Кавказе. Он надежно защищал подступы к Астрахани с юго-востока от турецких и крымских нападений. Русская администрация и военные гарнизоны играли весьма значительную роль в жизни немногочисленных кавказских народов. Среди тех, кто добровольно перешел под покровительство могучего северного соседа, оказались северо-восточные земли Грузии - Кахетия, кабардинцы и другие народности. Сложные отношения сложились с шамхалом Тарковским, владевшим Дагестаном и Кумыкской степью. Против него-то, в основном по просьбам кахетинского царя Александра, время от времени посылались русские военные экспедиции.

В 1591 году один из таких походов должен был возглавить Григорий Осифович Засекин. Под его началом собирались самые разнообразные силы - гарнизоны крепостей, волжские и терские казаки, отряды иностранцев, грузинские и кабардинские войска¹³. В Терках князь Григорий появился летом, а сам поход состоялся осенью - в начале зимы. Войска шамхала были разгромлены, сам он раненый бежал в горы. Однако, несмотря на военную удачу, пребывание на

Кавказе не было благополучным для князя. Он вновь попал в местническое дело, на этот раз со вторым терским воеводой, своим "товарищем" князем Шаховским. Решение спора отложили до конца военных действий. Но после возвращения из похода на шамхала Засекин внезапно умирает. Это случилось зимой 1592 года¹⁴. Причины его смерти неизвестны. Очевидно лишь, что князь Григорий не скончался в бою или от ран и не был подвергнут насильственной смерти в результате опалы, иначе это было бы специально оговорено в тексте Разрядной книги.

Итак, мы расстаемся с нашим героем. Мы ничего не знаем о его семье, наследниках. Ни один из известных нам источников не дает никаких сведений о продолжении рода Григория Засекина. Обнаруженные документальные материалы не позволяют создать сколь-нибудь полный портрет этого человека. Можно реконструировать лишь служебную карьеру, место и положение в обществе, тяготы и успехи службы. Живые человеческие черты Григория Осифовича, его внутренний мир, жизненная позиция остаются для нас тайной за семью печатями.

И все же, каков бы ни был этот человек, но жизнь его, занятая созидающим трудом и военными походами, почти целиком прошедшая на опасных пограничьях Российского государства, достойна памяти и уважения. Тем более для нас, живущих в одном из тех городов, которые были построены благодаря его трудам и старанию.

Примечания

1. Русский биографический словарь. Жабокритский - Зяловский. Петроград, 1916. С.263.
2. Экземплярский А.В. Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887; Петр Долгорукий (князь). Российский родословный сборник, издаваемый князем Петром Долгоруковым. СПб., 1841. Кн. 2.; др. работы.
3. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 154.
4. Новгородские писцовые книги изданные императорскою археографическою комиссию. Книги Бежецкой пятини. Спб., 1910. Т. 6. С. 512-552.
5. Для выявления "служб" Г.О. Засекина был использован весь

корпус опубликованных к настоящему времени редакций "Разрядных книг".

6. Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 9. Стб. 246.
7. Фотокопия документа хранится у самарского краеведа Е.Ф.Гурьянова (ныне покойного).
8. Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII в. М., 1989; Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.-Л., 1953; др. работы.
9. РГАДА Ф. 127. Оп. 1. 1586. Д.10; Карпов А.В. Уральцы. Исторический очерк. Уральск. 1911. Ч. 1. С. 858-859.
10. ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 212-213.
11. Местнические дела 1563-1605 гг. Собраны и изданы Н.П. Лихачевым. СПб., 1894. С. 22; Разрядная книга 1475-1605. М., 1987. Т.3. Ч.2. С. 129-130.
12. АИ. СПб., 1841. Т.1. С. 436-447.
13. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578-1613 гг. М., 1889. С. 242, 255 и др.
14. Разрядная книга. С. 197.